

Перевод: Baka-ssi

Коррект: Meow-tyan

Редакт: Yaranaika, gaarik

Оформление: hev

<http://im.ucoz.com>

Ближе к концу октября в шелесте пожухлых листьев стали слышаться грустные нотки. Теперь даже яркие солнечные лучи не могли противостоять холодному ветру, и поверх рубашки непременно хотелось надеть тёплый свитер. Проводя большую часть времени на улице, Оэ физически ощущал смену сезонов: медленно, но неотвратно приближалась зима.

Детектив прибыл на условленное место встречи в парке в сорок минут девятого — на десять минут позже оговоренного времени. Китагава сидел на скамье в неизменной белой рубашке и чёрных брюках, и Оэ испытал чувство дежавю. Единственное, что не сходилось с воспоминаниями — погода.

В их первую встречу Оэ решил, что Китагава намеренно придерживается классического стиля в одежде, но теперь стало очевидно, что Оэ ошибался. Похоже, кроме белой рубашки и чёрных брюк мужчине попросту нечего было надеть.

Когда детектив приблизился, то, рассмотрев лицо мужчины, сразу же заметил, как сильно оно изменилось. Китагава был крепкого телосложения, но ничуть не полным. За те два месяца, что они не виделись, щёки мужчины впали, а кожа приобрела желтоватый оттенок.

— Добрый вечер, — поздоровался Оэ.

— Как расследование? — сразу приступил к делу Китагава.

Оэ криво усмехнулся.

— Я изучил отчёты других агентств и расширил масштаб поисков, выйдя за пределы региона Канто — область предыдущих поисков. Доно-сан больше не работает в

муниципалитете, но если там остались его знакомые, мы сможем раздобыть контактную информацию.

Оэ слово в слово выдал речь, которую подготовил заранее. Китагава, горящий радостным ожиданием, вмиг приуныл.

Изначально Оэ собирался использовать эту тактику снова и снова, но сейчас задумался: может, стоит дать Китагаве надежду, сказав, что найдена зацепка? Если при каждой встрече детектив будет сообщать о провале, мужчина в итоге окончательно падёт духом. А недовольство приведёт к подозрениям, чего Оэ хотел бы избежать любой ценой.

— Мы только-только начали поиски. Как говорится, путь в тысячу ли¹ начинается с первого шага. Если сосредоточим всё внимание на муниципалитетах, в конечном итоге обязательно найдём дорожку, ведущую к Доно-сану.

После этих обнадеживающих слов понурившийся было Китагава вновь поднял голову и, пробормотав: «Я понял», застыл, не сводя глаз с детектива, словно не решаясь сказать что-то ещё. Оэ нервно сглотнул под этим пристальным взглядом.

— ... что такое «ли»?

Оэ, не ожидавший подобного вопроса, часто заморгал.

— Я не блещу умом, — пояснил Китагава. — Что такое «ли»? Какой-то наркотик?

— Эм, ну, тысяча ли, это... единица измерения, которой пользовались давным-давно и которая составляет... Сколько же она составляет сейчас, интересно? Ну, во всяком случае, это очень длинная дистанция. В общем, это означает, что любое путешествие начинается с первого шага, буквально с того места, на котором мы стоим.

— А-а, — тихим голосом поражённо протянул мужчина. «Путь в тысячу ли начинается с первого шага» — общеизвестная пословица, которую даже младшеклассники знают наизусть. Если Китагава её не слышал, значит, либо он никогда не читал книг, либо в школе ему плохо давались язык и литература, либо, как мужчина сам сказал, он «не блещет умом» и не прилагал никаких усилий на занятиях.

---

¹ Ли — китайская единица измерения расстояния. В давние времена составляла 300 или 360 шагов, в наши дни — 500 метров.

Оэ ужасно захотелось узнать, какое образование получил мужчина, но спрашивать напрямую детектив не решался. Обучение Китагавы никоим образом не имело отношения к поискам, и, кроме того, вполне возможно, что мужчина комплексовал из-за отсутствия должного образования.

— Китагава-сан, где вы родились?

Китагава рассказал, что в детстве проживал в другой префектуре, где и посещал младшую школу, а потом, будучи уже в средней, переехал сюда.

— А старшую школу вы где посещали?

Начав издалека, Оэ сумел повернуть разговор в нужное русло.

— Я не ходил в старшую школу, — ответил Китагава. — Я жил в приюте, и большинство сирот после средней школы устраивались на работу.

Оэ вдруг стало неловко и стыдно за своё чрезмерное любопытство.

— Мне кажется, вы говорили, что у вас есть мать.

Китагава равнодушно пожал плечами.

— Откуда мне знать, жива ли она, если её нет рядом? Наверное, было бы лучше, чтобы у меня её вообще не было. Я всегда верил, что однажды она придёт за мной. И когда она появилась, единственное, что ей было нужно, это деньги. И в тот раз... — начал было фразу Китагава, но оборвал себя на полуслове. Свет фонаря освещал половину лица мужчины, и Оэ заметил намёк на грусть в его чертах.

— Как я мог знать, что хорошо, а что плохо? — спросил мужчина скорее у самого себя.

Мать Китагавы бросила его на произвол судьбы, и, когда тот начал зарабатывать, объявилась и принялась выпрашивать деньги. Китагава казался ходячим несчастьем; по сравнению с ним Оэ очень повезло с родителями.

Китагава просунул ладонь в нагрудный карман, вытащил сложенную пополам, перевязанную резинкой пачку в сто тысяч йен и протянул её Оэ.

— Ещё сто тысяч. Это значит, что вы будете искать ещё полмесяца, верно?

Оэ взял оплату, пересчитал банкноты и спрятал пачку во внутренний карман куртки. Китагава поднялся со скамейки, сцепил руки высоко над головой и хорошенько потянулся.

— Путь в тысячу ли начинается с первого шага, значит... — проговорил мужчина и повернулся к Оэ. — Вы немного напоминаете мне Доно.

Оэ вовсе не льстило сравнение с человеком, обвинённым в домогательстве и разделявшем постель как с женщинами, так и с мужчинами. Однако если детектив напоминал Китагаве любимого человека, то это сыграет на руку. С таким раскладом Китагава вряд ли сможет разглядеть его истинные мотивы.

— Правда? — ответил Оэ с любезной улыбкой, которая, как он сам прекрасно знал, выглядела фальшиво.

На следующий день Оэ позвонил с заранее подготовленной правдоподобной историей в один муниципалитет за пределами префектуры:

— Мой отец тяжело болен. Он лежит в больнице, и ему недолго осталось жить, — стал рассказывать детектив. — Перед смертью он хочет повидать моего младшего брата, который считается без вести пропавшим. Человек по имени Такафуми Доно был его лучшим другом, и, думаю, может знать о его местонахождении. Вот почему я ищу этого Доно. Я как-то слышал, что он работал в муниципалитете. Возможно, у вас есть работник с таким именем?

Конечно же, история про отца и брата была ложью, но обычно, когда люди слышат о больных членах семьи, они проявляют больше сочувствия и с готовностью выслушивают любую историю. Как Оэ и предполагал, сотрудник на другом конце провода не поленился заглянуть в реестр, но, оказалось, никто с именем Такафуми Доно никогда не работал в их муниципалитете. Такой исход также не стал для Оэ неожиданностью.

Одного звонка хватило, чтобы разозлить Оэ: время ожидания ответа тянулось, казалось, целую вечность. Он знал, что не имеет права жаловаться, ведь человек на линии старался ради него, но ждать пришлось, по меньшей мере, минут двадцать.

Детектив подумал, что стоило бы попросить перезвонить, но работник на том конце провода настойчиво уверял, что вот-вот найдёт нужную информацию.

Наконец, Оэ положил трубку и на том успокоился. Делать ещё одну попытку, а уж тем более две, он не собирался. Одного звонка вполне достаточно, чтобы отгородить себя от обвинений в халатности.

Кроме того, иногородние звонки — удовольствие не из дешёвых. Оэ подумывал взыскать с Китагавы десять тысяч за дополнительные расходы на звонки, но решил отказаться от этой идеи: он и так получал от мужчины двести тысяч йен в месяц. Более того, вряд ли зарплата человека, живущего в общежитии, закончившего только среднюю школу, да ещё и бывшего заключённого, высока. Должно быть, у него имелись сбережения, но если Оэ будет просить слишком много, то они вскоре иссякнут.

Оэ установил для поисков временной и денежный предел — три месяца и шестьсот тысяч йен. До сих пор события развивались в нужном направлении, и он предчувствовал, что сможет растянуть свой обман ещё на месяц-два, если у Китагавы не проснётся подозрение.

Как только Оэ сказал жене, что поговорил с шефом, и к концу года можно ожидать премию, она, жадная до денег, вмиг притихла. Супруги ещё не решили, в какой университет поступит их дочь, тем не менее жена по достоинству оценила инициативу мужа относительно обсуждения премии с начальством. Оэ и не надеялся, что сумма в шестьсот тысяч сможет покрыть затраты на обучение в частном университете, но всё же надвигающаяся опасность, пусть и ненадолго, была приостановлена.

В тот день Оэ отправился пропустить пару стаканчиков в идзакаю со своим подчинённым Катори, который пребывал в мрачном расположении духа: из-за возникших разногласий клиент скрылся, не заплатив в полном объёме за услуги. Всё выглядело так, будто клиент с самого начала не собирался быть честным, а профессионализм Катори был совершенно ни при чём. Поначалу шеф хотел обратиться в суд, но в итоге спустил всё на тормозах, иначе компания потеряла бы больше из-за

судебных издержек, чем из-за непорядочного заказчика. Оэ кипел от негодования, сообразив, что беглец как раз и рассчитывал на их нежелание обращаться в суд.

Очевидно, Катори пытался заглушить горе спиртным: вливая в себя стопку за стопкой, он вскоре напился до потери сознания. Оэ отвёз мертвецки пьяного коллегу домой на такси и отправился к ближайшей станции: час закрытия метро ещё не настал, а его скудный доход не позволял прокатиться на такси ещё и до своего дома.

Было полдвенадцатого ночи, когда он вышел на главную улицу и оказался в толпе учеников в школьной форме, шатающихся без дела несмотря на поздний час. Поначалу удивившись, Оэ вскоре заметил неподалёку известную школу, проводившую подготовительные курсы. На некоторых девушках он узнал форму старшей школы, где училась его дочь. Возможно, Михару тоже стоило бы отправить на дополнительные занятия, чтобы быть уверенным, что она поступит в государственный университет? Но теперь-то уже поздно об этом сожалеть.

Ему осталось пройти каких-то тридцать метров, когда Оэ заметил знак о проведении строительных работ, сообщающий, что пешеходы должны воспользоваться обходным маршрутом — узким огороженным проходом; при этом путь до станции немного увеличивался. По ту сторону ограждения слышался приглушённый и прерывающийся грохот кузнечного молота: строители-иностранцы в жёлтых касках работали не покладая рук; по их лицам струился пот. Оэ остановился у обхода и помассировал поясницу: хрупкое тело Катори весило больше, чем он предполагал, и теперь за помощь коллеге расплачивалась спина.

— Одзи-сан², — послышался голос где-то совсем близко. Оэ проигнорировал оклик, решив, что обращаются не к нему.

— Детектив-сан.

Испугавшись, Оэ резко обернулся. За жёлтым ограждением стоял высокий мужчина в грязной футболке и светло-голубых рабочих брюках. Он походил на японца,

---

² Одзи-сан (Oji-san) — господин, обращение к незнакомому старшему человеку.

но жёлтая каска скрывала половину лица, и Оэ не был полностью уверен в своём предположении.

— Это я. Не узнаете?

Оэ узнал этот голос — голос простофили, приносящего ему двести тысяч йен каждый месяц.

— Китагава-сан! Вы здесь работаете? А как же завод?

Мужчина приподнял каску, скрывающую половину лица, худого и чёрного, вероятно, от пыли, на котором поблёскивали только белки глаз.

— Это работа на полдня, потому что ваши услуги, ребята, дорого стоят.

Должно быть, дневная работа Китагавы не могла обеспечить его необходимой суммой в месяц. Во рту Оэ загорчило, и снова дало о себе знать чувство вины, о котором он успел позабыть.

— Есть ли какие-нибудь успехи в поисках Доно?

Оэ растерялся и не смог проронить ни слова. Китагава вопросительно склонил голову набок.

— ...Не стоит ждать немедленных результатов, — кое-как выдавил из себя детектив. — Давайте запасёмся терпением.

— Угу, — чуть кивнул Китагава. — Путь в тысячу ли начинается с первого шага... Верно? Вам, детективам, наверное, тоже тяжело работать допоздна.

Но Оэ сегодня вечером только пил. Этому парню, несомненно, было гораздо труднее — вкалывать ночью после основной дневной работы. А ведь стрелки часов уже приближались к полуночи. Сколько ещё он собирался здесь надрываться?

Оэ зябко дрожал, тогда как по лицу Китагавы ручьём стекали капли пота. Мужчина, словно кот лапкой, вытер мокрое лицо о рукав футболки.

— Вы сильно вспотели, — прокомментировал Оэ.

— Просто под прожекторами очень жарко, — объяснил Китагава. — Ночью не всё разглядишь, поэтому они врубают свет на полную мощность.

Грубый голос позвал Китагаву из дальнего неосвещённого угла строительной площадки.

— Пожалуйста, не перетруждайтесь, — попросил Оэ. — И ещё, Китагава-сан, не могли бы вы не заговаривать со мной на людях в следующий раз?

Мужчина повёл головой в немом вопросе.

— Сейчас я направляюсь домой, но иногда по ночам мне приходится заниматься слежкой. Если меня остановят и назовут детективом, это может насторожить и спугнуть объект наблюдения.

— Ох, понятно. Хорошо. В следующий раз я буду осторожнее.

Окрики за спиной Китагавы стали яростнее и практически переросли в рёв.

— Горлопан хренов, — раздражённо цыкнул Китагава. — Увидимся, одзи-сан, — кивнул он, и, подняв в прощальном жесте правую руку, исчез в толпе рабочих среди прерывистого грохота машин.

Оэ быстро покинул строительную площадку. Чувство вины густой дымкой заволокло сердце и не отпускало ни во время поездки на метро, ни во время пути от станции до дома.

Когда детектив попал в квартиру, алкоголь уже полностью выветрился из головы. Был час ночи. Он принял душ, переоделся в пижаму и почистил зубы. Зайдя в коридор, ведущий к спальне, он наткнулся на дочь с кружкой в руках. Должно быть, ей захотелось пить во время зубрёжки.

— Спокойной ночи, — пожелал он ей. Михару, чуть опустив голову, в ответ произнесла:

— Пап, у меня к тебе просьба.

Оэ подумал, что она, должно быть, станет настаивать на своём желании учиться в частном университете или что-то подобное. Сердце неприятно закололо от осознания того, что он не может исполнить каждое её желание.

— Мама запретила, но кажется, я заслуживаю короткую передышку, учитывая, сколько приходится готовиться к поступлению.

«Короткую передышку», — повторил про себя Оэ.

— В следующем месяце состоится концерт инди-группы Still Package. Но я уже потратила все карманные деньги в этом месяце, и на билеты не осталось. Но я очень хочу пойти. Я точно знаю, что пожалею, если не попаду. Мне кажется, после концерта я смогу лучше сосредоточиться на учёбе. Пожалуйста, пап, можешь дать мне три тысячи йен³?

Дочь больше волновал концерт какой-то там группы, чем вступительные экзамены, до которых оставалось всего несколько месяцев. Оэ тяжело вздохнул. Ему дико захотелось рассмеяться: он серьёзно размышлял над сменой работы ради того, чтобы отправить вот такую ветреную дочь в частный университет.

— Мама запретила, не так ли? — Оэ не хотел давать ей денег, но поскольку прямое заявление только приведёт к ссоре, он перевёл стрелки на жену.

— Да. Но я правда хочу пойти. Пожалуйста, пап!

Михару в мольбе сложила ладони вместе. В сознании пронёсся образ мужчины с покрытым пылью лицом. Мужчины, что работал день и ночь, потому что: «Ваши услуги, ребята, дорого стоят». Это естественно. Когда чего-то хочешь, то упорно трудишься, чтобы это заполучить. «Прежде, чем кланчить деньги, пораскинь мозгами, как бы самой их заработать», — подумал Оэ.

— Если так хочешь, почему бы не найти подработку?

Дочь возмущённо нахмурилась.

— Ты сможешь купить билет после первого же дня работы, — продолжил он.

— Пап, я готовлюсь к экзаменам. Ни один выпускник в это время не подрабатывает.

— Значит, можешь забыть о концерте.

Дочь недовольно поджала губы и, резко развернувшись, направилась к себе в комнату. Уже у двери, девушка обернулась:

— Жлоб! — выкрикнула она и хлопнула дверью.

---

³ 3000 йен ≈ 970 рублей

— Михару! А ну тихо! — в довершении всего визгливо выкрикнула жена из спальни.

На мгновение Оэ захотелось махнуть на всё рукой и просто сбежать. Сейчас он не чувствовал никакой привязанности. Ничто из того, что он имел, не стоило его заботы и защиты. Но это был всего-навсего мимолётный порыв, а терпеть со всех сторон осуждение, если он решится на такой поступок, совершенно не было желания.

«И вот этот «уютный очаг» я строил десять с лишним лет...» — с горечью подумал Оэ, оставшись один в коридоре. Плечи его подрагивали от беззвучного смеха.

Чувство вины от обмана то появлялось на краю сознания Оэ, то угасало, и постепенно вина давала о себе знать всё реже и реже. Это чувство становилось особенно мучительным на следующий день после встречи с Китагавой, но быстро отступало, как отлив, и Оэ напрочь о нём забывал до дня получения следующих ста тысяч йен.

В тот день должна была состояться шестая по счёту передача денег. Шёл декабрь. У обочин грустно поникли ветвями голые деревья, их листва давно уже пожелтела и опала. Повсюду на улицах слышались рождественские песни. Однако стоило Оэ отдалиться от торгового района, сверкающего яркими вывесками, и спуститься к берегу реки, как все огни и звуки внезапно поглотило тоскливое ощущение одиночества. Свет от фонарей здесь был тусклым и рассеянным. На пробирающем до костей ветру, что особенно бушевал над водой, покалывало щёки. Оэ стянул спереди края воротника, размышляя о том, как же заметно крепчает мороз с первыми холодными каплями дождя. Не проливного, но всё-таки неприятного. Оэ ускорился. Сегодня он собирался сказать Китагаве, что продвинулся в поисках на запад дальше Кансая, и сосредоточился на регионе Тюгоку⁴, но так и не обнаружил следов Доно. После этого он возьмёт деньги и без промедления уйдёт. Оэ не взял с собой зонт, и, если дать понять Китагаве, что он спешит, мужчина, вероятно, не станет выпытывать дальше.

---

⁴ Тюгоку – регион на западе острова Хонсю, 5 префектур.

Китагава, всё в тех же белой рубашке и чёрных брюках, по обыкновению расположился на уже знакомой Оэ скамейке в парке. Река протекала не так уж близко, но даже здесь дул сильный ветер. Оэ поёжился — от одного только вида мужчины его бросало в дрожь. Он направился к клиенту, задаваясь вопросом: может, мужчина не чувствовал холода в силу молодости?

Казалось, Китагава заснул. Он не шевельнулся, даже когда Оэ подошёл вплотную, продолжая ссутулившись сидеть на скамейке. Его плечи чуть заметно подрагивали.

— Китагава-сан? — позвал Оэ, и клиент, наконец, поднял голову. В то же мгновение Оэ потерял дар речи: он и прежде замечал, что мужчина всё больше теряет в весе к каждой их встрече, но сегодня Китагава предстал перед детективом в таком ужасающем состоянии, что казалось, будто он чем-то серьёзно болен. В глаза бросались его худые щёки, запавшие глаза и посиневшие от холода губы. Кое-где на лице проглядывала редкая щетина.

— Вы нашли До... — конец вопроса потонул в приступе жуткого кашля, который ещё долго не отпускал мужчину. Другого доказательства плохого самочувствия Китагавы можно было и не искать.

— В-вы в порядке?

— Простыл немного, — каждое слово мужчины сопровождалось сухим кашлем.

— Вы слишком легко одеты, — ответил Оэ. — Вам стоит накинуть что-нибудь тёплое сверху.

Детектив заметил, что обычно белоснежная рубашка Китагавы сегодня выглядела грязной. Крепкая хватка болезни, по-видимому, отнимала у мужчины всю энергию, и поддерживать своё нехитрое одеяние в чистом и опрятном виде у него просто не было сил.

— Вы нашли Доно? — повторил вопрос Китагава, не переставая мелко дрожать.

— Ещё нет. В регионе Тюгоку ничего не обнаружилось, поэтому я намереваюсь продолжить поиски в западном направлении.

Китагава прикрыл глаза.

— Ясно, — пробормотал он скрипучим голосом, громко чихнул и шмыгнул носом. Затем потянулся в карман — за платком, решил детектив, — вытянул пачку смятых банкнот и протянул её Оэ.

— Я взял больничный, поэтому у меня только семьдесят тысяч⁵.

Оэ нерешительно потянулся за измятыми купюрами, пересчитал их: действительно, семьдесят, и быстро спрятал во внутренний карман пальто.

— Можете принести остаток в следующий раз. Пожалуйста, Китагава-сан, не перерабатывайте.

Мужчина замотал опущенной головой.

— Я уверен, что вас не особо устраивает дожидаться полной суммы, верно? Будь вы ростовщиком, то всего-навсего снимали бы с меня проценты. Но вы ведь не ростовщик.

В конце концов, всё-таки Китагаве с трудом удавалось осилить месячную двухсоттысячную оплату. Оэ тревожила скорость, с которой мужчина терял вес, и он был практически уверен, что виной тому чуть ли не круглосуточная работа. Но, похоже, Китагава справлялся, поскольку стабильно каждые две недели приносил необходимую сумму. До сих пор всё шло как по маслу, но если Оэ взвалит на плечи мужчины слишком многое, долго их сделка продолжаться не сможет. Если Китагава слегнет с болезнью, то соглашение потеряет весь смысл.

— Вы порядочный человек, Китагава-сан, и я верю, что вы заплатите всю сумму, пусть и не сразу. Так что прошу, идите сейчас домой и хорошенько отдохните.

Мужчина пошатнулся, и Оэ инстинктивно шагнул в его сторону, решив, что тот сейчас упадёт со скамейки. Китагава неуклюже накренился вперёд, но всё-таки сумел сохранить равновесие.

— Мне не хватает денег, поэтому я решил взять кредит, — сказал Китагава. — Но я не знаю, смогу ли потом его выплатить. Я спросил ребят в общежитии, знают ли они какую-нибудь хорошо оплачиваемую работу, и один предложил продавать вместе с ним и его

---

⁵ 70 000 йен ≈ 22 650 рублей

знакомым петрушку⁶. Но если поймают — не поздоровится. У меня уже есть судимость, и, если я снова окажусь в каталажке, кто знает, когда меня выпустят.

— Пожалуйста, не делайте ничего незаконного, — попросил Оэ, как поступил бы любой здравомыслящий гражданин. В связи с этой идеей Китагавы, в голове детектива стал зарождаться новый план. Предположим, мужчина ввяжется в торговлю «петрушкой» (Оэ догадался, что под этим словом подразумевается наркотик) и заработает деньги. Тогда в самый благоприятный момент Оэ сдаст его полиции. Китагаву арестуют и посадят, и даже если мужчина раскроет замысел детектива, навредить Оэ, сидя за решёткой, он не сможет.

«Идеально же! — зашептал внутренний демон. — Нет, постой, хорошенько всё обдумай. Допустим, Китагаву посадят. Замечательно. Но что делать, когда его выпустят?» Разве он не примчится к Оэ в ярости, чтобы отомстить человеку, который так подло его обманул и сдал полиции? Оэ уже успел высосать из него приличное количество наличных. Разумнее всего вовремя остановиться и не прибегать к грязным трюкам.

В сердце Оэ закрался страх. Он не имел ничего против Китагавы, наоборот, детектив был очень признателен мужчине, который приносил ему деньги по расписанию, словно почтальон, и с ужасом осознал своё вероломное желание заманить Китагаву в ловушку и отправить за решётку. В нём боролись чувство вины и превосходство над жертвой. В конце концов, Китагава всего лишь малообразованный бывший заключённый. К тому же, без семьи. Может, кому-то и доставит неудобство его арест, но уж скучать по нему точно никто не будет.

— Я принесу оставшуюся часть денег в следующий раз... Я заплачу, обещаю, — заверил его Китагава, не переставая кашлять, медленно поднялся со скамьи и нетвёрдой походкой зашагал прочь. Оэ смотрел вслед удаляющейся фигуре мужчины, которого шатало из стороны в сторону. Внезапно Китагава налетел на столб у входа в парк и тяжело упал на колени.

---

⁶ Петрушка – сленг наркоман. – марихуана.

— Вы в порядке, Китагава-сан? — Оэ подбежал к мужчине, опустил руку на его плечо и с тревогой ощутил исходящий от него жар. — У вас же температура! Вы уверены, что можете идти сами?

— Конечно, могу...

Китагава изо всех сил пытался подняться на ноги, но тело его не слушалось. Любое прикосновение к мужчине, казалось, обжигало его, дрожь не прекращалась ни на миг. Оэ снял своё шерстяное пальто и накинул на Китагаву, а затем, поддерживая за руку, сумел поднять на ноги.

Оэ знал, что сталелитейный завод Китадзима, где работал Китагава, находится неподалёку. Детектив вознамерился отвести мужчину в общежитие, но после первого же шага колени Китагавы подогнулись. Будучи его единственной опорой, Оэ не осилил бы весь путь пешком. Детектив с невероятными усилиями сумел вывести высокого, крупного мужчину на дорогу и поймал такси. При посадке в автомобиль, Китагава начал сопротивляться.

— Пожалуйста, просто полезайте внутрь.

— Нет. Я в порядке, — мужчина вцепился в ограждение у обочины дороги и наотрез отказывался двигаться.

— Вы не в состоянии идти самостоятельно, а я не смогу дотащить вас до дома.

— Такси стоит денег, — даже в таком плачевном состоянии мужчина продолжал заботиться об экономии, чем вызвал у Оэ немалое раздражение.

— Не волнуйтесь о деньгах, — отрезал он. — Я тоже домой, так что нам по пути.

Он буквально впихнул Китагаву в машину. Тот тут же лёг на сиденье и свернулся клубком, словно кот. Сталелитейный завод Китадзима был всего в нескольких сотнях метров, и в считанные минуты они прибыли на место. Сколько бы раз Оэ не говорил Китагаве, что пора выходить, тот лишь бросал на него мутный взгляд сквозь полуприкрытые веки и невнятно бормотал: «М-м, угу». Не без помощи водителя, Оэ всё же вытащил Китагаву из салона автомобиля и помог ему опереться на свои плечи. В тот момент тело мужчины уже казалось раскалённым добела.

На столбе у настежь распахнутых ворот красовалась ржавая табличка «Сталелитейный завод Китадзима». Они вошли. Слева и справа вырисовывались неясные тени больших и маленьких зданий, но в темноте невозможно было определить, какое из них и есть общежитие. По правую руку Оэ заметил свет в окне одноэтажного заводского строения, и, решив спросить направление там, заковылял туда, практически неся на себе обмякшее тело мужчины.

У входа обнаружилась задвижная алюминиевая дверь, в верхней части которой находилось окно из матированного стекла. Внутри слышался низкий смех. Оэ забарабанил в дверь, и голоса тут же стихли.

— Кто там? — неприветливо послышалось с той стороны.

— Простите, мне нужно у вас кое-что спросить.

За матовым стеклом показалась приближающаяся фигура, и дверь с дребезжанием и грохотом отъехала в сторону. Оэ поморщился, когда его настиг запах потных мужских тел.

— Чё надо? — спросил мужчина лет пятидесяти. Он был спортивного телосложения и с красным лицом, а когда открывал рот, чувствовался запах алкоголя. Заметив больного, повисшего на плече Оэ, он искренне удивился и воскликнул:

— Китагава!

— Ему стало плохо, и он не смог идти сам, поэтому я проводил его, — объяснил Оэ. — Я слышал, он живёт в общежитии Мэйпл, что при этом заводе.

Мужчина почесал голову, и с волос посыпались белые, как порошок, хлопья перхоти.

— Это и есть общежитие Мэйпл.

— Это? — пробормотал Оэ, заходя в подобие барака. В этом «общежитии» не имелось отдельных комнат. Только одно большое помещение площадью примерно двадцать три квадратных метра, с полом, устеленным татами. Находящимся внутри мужчинам — их, включая открывшего дверь здоровяка, было шестеро — на вид можно было дать от двадцати до семидесяти лет. Комнату освещали две люминесцентные

лампы, а под ними, подобно паутине, протягивались верёвки с сушившимися на них после стирки полотенцами и одеждой.

— У Китагавы температура, и он уже два дня как валялся в кровати, — поделился крепыш. — А после восьми вечера вдруг куда-то исчез. Я ещё удивлялся, чё он так долго там гадит. Значит, он уходил, да? О, вот его место, можете оставить его здесь.

Оэ посмотрел в том направлении, куда указывал мужчина, но увидел только вещевой мешок и нечто, напоминающее подушку. Футона не наблюдалось.

— Прямо здесь?

— Вы же видите, вот его сумка, — небрежно бросил сожитель Китагавы, и в тоне его прозвучали недовольные нотки. Ему явно не по душе было повторять одно и то же. Оэ опустил вялое тело туда, куда ему указали. Благодаря бензиновому обогревателю внутри помещения было намного теплее, чем снаружи, однако Китагава продолжал ёжиться и дрожать. Оэ оглядел комнату, но футонов на всех однозначно не хватало, а на тех, что имелись, восседали их законные обладатели, заявляя тем самым на них свои права. Шкафа, где могли бы храниться запасные одеяла, в бараке также не обнаружилось.

— Можно где-нибудь раздобыть футон? — спросил Оэ пожилого человека с мягкими чертами лица, что сидел неподалёку.

— Старина Китагава всегда спит в спальном мешке. Видите, вон там, возле его головы, — указал он на предмет овальной формы, похожий на подушку, что лежал рядом с вещевым мешком. Оэ поднял вещь и убедился: действительно, спальный мешок. Детектив развернул его и накрыл дрожащего мужчину, который тут же укутался в него, словно мешконос⁷.

Китагава так ослаб, что почти не мог передвигаться самостоятельно, но у него не нашлось друга, который подошёл бы справиться о его самочувствии или подбодрить разговором. Оэ стало не по себе от мысли, что придётся оставить его с группой таких безразличных к чужим трудностям людей. Возможно, стоило отвести Китагаву к врачу.

---

⁷ Мешконосы, или мешочницы — семейство бабочек, гусеницы которых сооружают себе чехлики из сплетённых шелковинкой частиц листьев, коры, веточек и комочков почвы.

Но ведь из-за необходимости экономить деньги мужчина хотел отказаться даже от поездки в такси. Оэ представил себе ярость Китагавы, которая обрушится на него, если он отведёт мужчину к доктору без разрешения.

С другой стороны, их сотрудничество может продлиться ещё очень и очень долго, поэтому Оэ не прочь при необходимости в качестве вынужденных деловых расходов оплатить лечение из своего кошелька. Но попадал ли Китагава под программу государственного страхования здоровья? Он проживал в ужасных условиях в помещении, которое походило на общежитие только названием. У него даже не было собственного futona. Поэтому Оэ не удивился бы отсутствию у мужчины страховки, вследствие чего ему пришлось бы оплачивать лечение в полном объёме. Акт милосердия, который он собирался совершить, вдруг перестал казаться таким уж необходимым.

«Может, они и равнодушны к нему, но уверен, что в случае ухудшения состояния Китагавы они отвезут его в больницу». Поднявшись, Оэ вспомнил, что одолжил мужчине своё пальто. Он не возражал забрать его позже, но вот семьдесят тысяч йен, что остались во внутреннем кармане, хотелось унести с собой сейчас. Однако чтобы вытащить деньги, нужно было перевернуть больного на спину, что детектив сделать не осмелился, учитывая неважный вид мужчины, который спал плотно укутанный, как гусеница, в пальто и спальный мешок.

— Одзи-сан, вы Доно будете? — спросил пожилой человек, появившийся из ниоткуда. Оэ отступил на шаг, не в силах стерпеть дискомфорт от вторжения в личное пространство. Старик уставился на детектива внимательным взглядом снизу вверх.

— Нет.

— Томи, старина, разуй глаза и присмотрись хорошенько, — резко окликнул его крепкий мужчина. — Этот мужик мало того, что старый, так ещё и не похож на чела с рисунка Китагавы.

Старина Томи негодуяще нахмурился.

— Я когда-то работал парикмахером в тюрьге и видел этого Доно, — возразил он.

Слух зацепило слово «тюрьга».

— Отлично! Заткнись уже, хватит со своими причёсками. Захлопни варезку! — огрызнулся здоровяк. Старик Томи разочарованно отошёл от Оэ. Так значит, этот пожилой человек с добрым лицом тоже отбывал срок в тюрьме, как и Китагава? Возможно, на этом заводе работало немало бывших заключённых.

Оэ повернулся к крепышу.

— Вы знаете Доно? Человека с рисунка Китагавы?

Мужчина прищурился и ухмыльнулся, выставив напоказ ряд жёлтых зубов.

— Парень, про которого Китагава без умолку талдычит? Да все его тут знают, эй, я прав?

Сожители покатались со смеху. Оэ понятия не имел, что их так развеселило.

— Я постоянно говорю ему завести нормальную девчонку, коль он вышел из тюрьмы, но, похоже, старина Китагава всё никак не забудет свой первый перепихон.

Очевидно, все присутствующие отлично знали об отношениях Китагавы и Доно. Учитывая то, с какой лёгкостью Китагава рассказал Оэ о своей ориентации, не удивительно, что его коллеги тоже были в курсе.

— Вы все... Эм, вы все тоже отбывали наказание? — Оэ крайне осторожно подбирал каждое слово, однако накачанный мужчина гневно на него уставился.

— На чё ты намекаешь? — прорычал он.

— Я... я детектив, — промямлил Оэ. — На самом деле Китагава-сан поручил мне найти человека по фамилии Доно. Если кто-то из присутствующих знает что-либо о нём или встречался с ним прежде, мне бы очень хотелось поговорить с этим человеком.

Все шестеро переглянулись.

— Только старина Томи сидел в той же каталажке, что и Китагава, верно? — ответил за всех крепыш. Видимо, главный по общежитию. — Мы с Ёсики были в Ямагате. Кимура, ты сидел в Эхимэ, да? Миягава отбывал в Абасири, а Тода — в Тоттори⁸, — объяснил он Оэ.

---

⁸ Ямагата — префектура в регионе Тохоку, остров Хонсю. Эхимэ — префектура в регионе Сикоку, остров Сикоку. Абасири — округ в составе губернаторства Хоккайдо. Тоттори — префектура в регионе Тюоку, остров Хонсю.

Единственным человеком, отбывавшим наказание с Китагавой, оказался «старина Томи». Он сказал, что встречал Доно, но вспомнив, что старик принял его самого за разыскиваемого, Оэ решил, что на его память не стоит особо полагаться. На всякий случай детектив спросил у Томи о Доно, но тот, как и ожидалось, не смог дать хоть сколько-нибудь полезную информацию.

— Простите, я не так много помню с тех времён, — признался он. — Старина Китагава оказался преданным, однако, — печально пробормотал он себе под нос. Силач злобно цокнул языком.

— Придурковатый он, а не преданный, — фыркнул говорящий. — Тот чел не оставил адреса и не приехал встретить его, так ведь? Он тупо свалил. Китагава просто не хочет это признавать.

Оэ опустил взгляд на спящего мужчину, свернувшегося в клубок. Ранее быстрое и рваное дыхание сейчас заметно успокоилось.

— Вы чё-то разузнали про Доно? — заговорил самый молодой жилец, на вид двадцати с лишним лет, в очках и с длинными волосами. — Я думаю, что лучше бы он не нашёлся. Китагава обычно спокойный, но когда злится — страшно до чёртиков. Кто знает, если Доно успел жениться, Китагава может и зарезать его.

«Зарезать». От этого пугающего слова по спине Оэ побежали мурашки.

— А, точняк. Китагаву повязали за убийство, да? — небрежно бросил здоровяк, будто рассказывал об обеденном меню.

— Джек Потрошитель, — добавил длинноволосый, передёрнувшись.

— Эгхм. Что это, эм, Джек?.. — вставил Томи, непонимающе склонив голову набок. Силач раздражённо вздохнул.

— Чел, на куски раздиравший своих жертв.

Оэ шумно сглотнул скопившуюся во рту слюну.

Уже дома Оэ обнаружил пропажу бумажника, лежавшего в заднем кармане брюк. Он точно помнил, что не клал его в карман пальто. Может, он уронил его на пути домой?

Впрочем, детектива эта утрата мало волновала: в бумажнике оставалось не так уж много наличных, а кредитные карточки можно заблокировать. Также ему не нужны были ни пальто, в которое кутался Китагава, ни семьдесят тысяч йен в нагрудном кармане. Плевать он хотел на эти жалкие гроши! Всё, чего он хотел, это разорвать все связи с этим человеком, прямо здесь и прямо сейчас. Если это ещё было возможно.

Оэ опустился на стул, облокотился на обеденный стол и схватился руками за голову. Он зашёл слишком далеко. Детектив никогда прежде так жестоко не ошибался в выборе жертвы.

Он и представить себе не мог, что Китагава способен кого-то убить, причём не в обычной потасовке, потеряв над собой контроль. Этот мужчина раздирал своих жертв на части. Ни один уравновешенный человек не способен на такое.

Учитывая возраст и поведение мужчины, Оэ не ожидал, что Китагава совершил такое зверское преступление. Его освободили пять лет назад, значит, ему на тот момент было тридцать. Разве удастся выйти из тюрьмы в тридцать лет, убив человека столь кровавым способом? Разве за такое не сажают на пятнадцать или даже двадцать лет? Или он на момент преступления был несовершеннолетним? То есть, прикончив кучу людей, он получил прозвище «Джек Потрошитель», будучи ещё в подростковом возрасте?

Оэ вскочил, как ужаленный. Проверил замки на входной двери и закрыл её на цепочку. Затем проверил окна в кухне и ванной, а в гостиной даже захлопнул ставни. Он понимал: Китагава слишком слаб, чтобы самостоятельно подняться на ноги и проделать путь до дома детектива с целью убить его, но тем не менее успокоился только тогда, когда проверил все замки.

Он может расстаться с жизнью всего за каких-то пятсот-шестьсот тысяч йен. «Как нелепо!» — подумал он. Нужно немедленно бросить поиски, пока его намерения не раскрыли. Но Китагава просто заиклен на этой идее, и так легко не отступится, откажись Оэ продолжать расследование без серьёзных на то причин. Больше всего на

свете детектив боялся спровоцировать гнев мужчины, ведь в таком случае нет гарантии, что его просто-напросто не убьют.

Краем уха Оэ услышал звук приближающихся тихих шагов. Он не мог определить, кто это: жена или дочь. Мужчина не поднял головы и не ответил на оклик — говорить ни с кем не хотелось.

Через стол к нему скользнул лист бумаги, исписанный какими-то числами. Поначалу Оэ даже не понял, что они значат.

— Взгляни. Оценки Михару оставляют желать лучшего, — произнесла жена, и он, наконец, сообразил, что перед ним табель успеваемости. Оэ охватило сильное отвращение к женщине, отвлекающей по таким пустякам, тогда как его мысли были заняты куда более важными вещами.

— Я подумываю записать её на краткосрочные подготовительные курсы, хотя бы на зимние каникулы. Они ещё продолжают приём. Это обойдётся в сорок тысяч.

Снова деньги. Всегда одно — деньги, деньги, деньги...

— К тому же ей необходимо узнать подробности поступления.

«Мне было всё равно. Меня никогда не волновали деньги, но она только о них и говорит. Вот поэтому мне и пришлось связаться с этим опасным типом».

Оэ схватил табель и швырнул его на пол.

— Какого чёрта ты творишь? — обычно высокий голос жены вдруг стал таким низким, что, казалось, им наполнилась вся комната.

— Если она не собирается учиться, пусть работает, — ответил Оэ.

— Михару говорит, что хочет пойти в университет. Несправедливо принуждать её работать.

— Для неё же лучше вместо бессмысленной учёбы как можно раньше стать полноценным членом общества.

Оэ поднял голову и встретился со свирепым и немигающим взглядом жены, однако не запаниковал и ничуть не испугался, ведь перед ним не Джек Потрошитель. Эта безвредная ярость — единственное, на что была способна женщина.

— Мы бедные по твоей вине, — начала осуждать она Оэ. — Ты хоть понимаешь, как это унижительно — не иметь возможности оплатить образование ребёнка?

«Уймись, уймись, уймись! — повторял про себя Оэ, заткнув уши. — Не время спорить об этом. Я сейчас в таком аду нахожусь! Один неверный шаг — и прощай моя жизнь. Во всём виновата ты одна!»

Видя упрямство мужа, женщина сменила тактику, и голос её вмиг стал приторно-шёлковым.

— Пожалуйста, позволь ей ходить на курсы. Я тебя умоляю.

Голову Оэ будто сдавили тисками. У него и без того проблем хватало, а тут ещё она пристала со своей ерундой.

— Почему бы тебе не использовать записку, которую ты припрятала втайне от меня?

Лицо жены мгновенно стало белым как мел.

— Ты хранишь её за картинной рамой в спальне, не так ли? Когда я проверял в последний раз, там было сто сорок тысяч⁹.

— Т-ты...

— Разговор окончен. Уйди. У меня ещё дела! — свирепо заявил он. Жена гневно закусила губу и бросилась прочь из гостиной. Его жизнь под серьёзной угрозой. Неужели так необходимо нагружать его этими маловажными волнениями из-за оценок дочери и оплаты подготовительных курсов? Оэ знал: если бы жена прямо сейчас умерла, он не пролил бы и слезинки.

Как же избавиться от Китагавы? Из всех вариантов, которые Оэ тщательно обдумал и взвесил, единственным решением оставалось прекратить поиски Доно, а это предполагало, по меньшей мере, ещё один разговор с Китагавой. Кроме того, Оэ необходимо было написать отчёт о результатах расследования, поэтому он принёс в гостиную ноутбук и, устроившись за обеденным столом, принялся за составление рапорта. Оплату за вторую половину третьего месяца детектив ещё не взимал, но, уже

---

⁹ 140 000 йен ≈ 44 690 рублей.

получив награду в пятьсот тысяч йен, он опасался, что Китагава с подозрением отнесётся к его на скорую руку разработанному отчёту.

«Пусть Китагава подохнет от своей простуды! Тогда все мои проблемы сами собой разрешатся, и никаких сомнений не останется».

Но как бы сильно Оэ не желал бывшему заключённому смерти, он прекрасно знал, что так просто люди не умирают. Поэтому в этот ранний утренний час он с удвоенной энергией принялся за отчёт с твёрдым намерением придать ему достойный вид.

Ежедневно сообщения об убийствах нескончаемым потоком льются из новостей. В каждый из трёхсот шестидесяти пяти дней в году от рук убийц погибают и молодые, и старики. И даже если преступники пойманы и заключены в тюрьму, отбыв срок, они вновь оказываются на свободе. Вполне закономерно, но Оэ никогда о таком не задумывался, и теперь осознание этого факта стало неприятной неожиданностью. Кому придётся по душе мысль, что рядом может бродить какой-нибудь маньяк-психопат?

Ранним утром трава у обочин была покрыта лёгким инеем: должно быть, температура ночью резко понизилась. Оэ трясся в вагоне метро и рассеянно разглядывал пейзаж сквозь запотевшее окно, на котором оставляли тоненькие дорожки капли воды.

С того вечера, как детектив помог Китагаве добраться до общежития сталелитейного завода Китадзима, прошло пять дней. Сразу после того, как открылась страшная правда о криминальном прошлом Китагавы, Оэ постоянно был настороже, опасаясь, что бывший заключённый может в любую минуту ворваться в офис или в квартиру, снедаемый яростью и жадой мщения. Но дни шли своим чередом, и детектив стал успокаиваться, решив, что всё обойдётся.

В присутствии Китагавы он старался вести себя спокойно и не вызывать подозрений. Как и договаривались, они снова встретились в парке, и Оэ рассказал клиенту об успехах расследования. Он не избегал мужчину и не скрывался от него. Не давил, даже когда тот запаздывал с оплатой и заботливо советовал ему не перетруждаться. Раскрыть корыстную игру детектива могло разве что какое-нибудь

смутное подозрение, если таковое внезапно зародится в душе Китагавы, и вынудит его копнуть глубже.

Оэ покинул поезд и направился вниз по тротуару. В это утро он собирался передать одному клиенту отчёт по делу о супружеской измене. Расследование заказал муж, и, как выяснилось, не зря: его жена по уши влюбилась в хоста, который был на пять лет моложе её.

Детектив понятия не имел, что этот заказчик намерен предпринять после того, как получит отчёт. Во время их разговора по телефону, в котором Оэ сообщил о результатах расследования, тон мужчины оставался спокойным и невозмутимым. Вероятнее всего, он уже решился подавать на развод.

Оэ признался себе, что тоже не прочь сбросить с себя связывающие по рукам и ногам оковы в лице жены и дочери. Он был уверен, не будь в его жизни этих двух помех, ему не пришлось бы прибегать к мошенничеству.

Как только он заявил жене, что знает о её тайных сбережениях, та перестала подходить к нему с жалобами, и Оэ не понимал, отказалась ли она от идеи записать дочь на курсы или нет. Так или иначе, теперь ему было абсолютно наплевать на это.

Оэ свернул за угол. До офиса оставалось каких-то двадцать метров, когда знакомый голос заставил его замереть на месте:

— Оэ-сан!

Тот вздрогнул и обернулся. Возле торгового автомата у забора, что огораживал пятиэтажное здание, стоял человек, встречаться с которым детективу хотелось меньше всего на свете.

На Китагаве было старомодное чёрное пальто.

— Вы сейчас заняты?

От внезапно ускорившегося сердцебиения закололо в груди. Не в силах вымолвить и слова, Оэ замотал головой, что больше походило на дрожь.

— Вы просили не заговаривать с вами на людях, поэтому я всё никак не мог придумать, как поступить. Но я хотел отдать вам это как можно скорее.

Мужчина протянул Оэ бумажник, с которым он успел попрощаться навеки.

— Это...

— Наверно, вам без него туго пришлось. Простите. Старик Томи наложил на него лапу, когда вы привезли меня в общагу. Я ещё удивился, откуда у него такой же кошелёк, что и у вас, поэтому припугнул его, и он раскололся. Он, может, уже и хилый старикан, но всё ещё проворный. Сказал, что не смог устоять, когда такой пухлый бумажник мозолил глаза. Я устроил ему хорошую взбучку и добавил те деньги, которые старик уже успел спустить. Так что, пожалуйста, не обращайтесь в полицию.

Бумажник, который Оэ считал попросту потерянным, как выяснилось, стащил старый карманник, и теперь Китагава вернул пропажу законному владельцу. Всё оказалось до смешного просто, но чересчур разволновавшийся Оэ никак не мог переварить полученную информацию.

— Старина Томи уже в преклонном возрасте, и если снова попадёт за решётку, до конца жизни точно оттуда не выберется. Поэтому...

— Я... я не пойду в полицию. Там не так уж много денег оставалось, к тому же вы мне его, в конце концов, вернули.

Напряжённые черты лица Китагавы разгладились.

— Мне правда очень жаль, — повторил он, низко поклонившись. Оэ сначала удивился: к чему эти извинения? Но потом осознал, что превосходство теперь за ним: его ограбили, перед ним извинились, он простил, следовательно, ситуацией владеет он.

— А ещё, я возвращаю вам это. Простите, что так долго держал у себя, — Китагава отдал детективу пакет из химчистки с его шерстяным пальто.

— И это, — протянул он детективу пачку банкнот, перевязанную резинкой. — Я потратил пять тысяч¹⁰, купил немного еды и лекарств, поэтому здесь только шестьдесят пять¹¹. Могу я возвращать долг частями? Конечно, если сумею заработать, буду приносить, как обычно.

Оэ собирался закрыть дело, но Китагава вдруг заговорил о частичных выплатах.

---

¹⁰ 5 000 йен ≈ 1595 рублей.

¹¹ 65 000 йен ≈ 20 730 рублей.

— Я уже иду на поправку. В тот день, когда я упал в обморок, это ведь вы отвезли меня домой? Простите, что пришлось возиться со мной. Я знал, что на улице похолодало, но надеть мне было нечего, потому что я продал пальто. Теперь я знаю, что ничего не добьюсь, если заболею и не смогу работать, поэтому в следующий раз буду осторожнее.

Пачка мятых купюр весила, казалось, не один килограмм. Оэ вспомнил слова, что однажды сказал жене: «Мы не голодаем, у нас хватает средств и на одежду, и на обувь, и чтобы не мёрзнуть зимой. Не жадничай». Жена тогда возразила: «Этого недостаточно». А поскольку «недостаточно» оказалось и по его собственным меркам, Оэ вынудил фактически чужого человека продать единственное пальто, чтобы расплатиться за его работу.

Оэ виновато повесил голову и краем глаза заметил потёртость на рукаве Китагавы.

— Люди выкидывают массу хороших вещей. Если в них поковыряться, то можно найти неплохую одежду. Старина Томи откопал для меня это пальто в день вывоза мусора. Ах да! Он также оплатил чистку вашего пальто. Сказал, это меньшее, что он может сделать для вас в качестве извинений.

«Хватит выставлять напоказ свою бедность! — с пренебрежением подумал детектив. — Как ты не понимаешь, что надевать чьи-то обноски унижительно? У тебя нет ни капли здравого смысла и гордости!»

Но сколько бы раз Оэ мысленно не ставил себя выше Китагавы, тот всё-таки был достойным человеком, зарабатывающим на жизнь своими силами. Виновником бедности мужчины являлся Оэ, своим обманом обирающий его до нитки. Если бы Китагава получал в месяц все двести тысяч йен, то без проблем купил бы себе пальто или футон. А поднакопив, смог бы и квартиру снимать.

Страх перед образом Джека Потрошителя, расписанный соседом Китагавы, никуда не исчез. Однако с каждой минутой, проведённой в беседе с мужчиной, устрашающее влияние этой картинки на детектива постепенно слабело. Он просто не мог найти хоть каплю злого умысла в словах бывшего заключённого.

Оэ знал — пришло время отказаться от дальнейшего расследования. Сейчас или никогда.

— Китагава-сан, вы сегодня не работаете?

— Я только до обеда отпросился, — ответил Китагава, не вынимая рук из карманов, — чтобы увидаться с вами.

— Могу я отнять у вас немного времени? Мне нужно... кое-что обсудить с вами.

Удивлённый Китагава склонил голову набок, но всё же согласился:

— Конечно.

Они вошли в кафе под названием «Роял», располагавшееся в глухом переулке за станцией. Одного взгляда на витрину вполне хватило, чтобы понять: владельцы совсем запустили это заведение. Оэ ещё ни разу здесь не бывал. Если бы он пригласил мужчину в то место, куда сам частенько заглядывал, велика вероятность, что они могли столкнуться с шефом. А направься они в какое-нибудь модное заведение, то возможно пересеклись бы с Катори или Нобэокой. Детектив хотел избежать такого поворота событий любой ценой.

В парк он решил не идти отчасти из-за беспокойства о состоянии Китагавы. Долгое пребывание на холоде едва ли пойдёт на пользу только-только выздоровевшему человеку. Но ещё одна причина, и, откровенно говоря, основная, заключалась в нежелании Оэ оставаться с ним наедине в безлюдном парке. Завяжись у них спор, он знал: если рядом будут люди, кто-нибудь обязательно придёт ему на помощь.

Китагава задержался у входа в кафе, которое Оэ выбрал наугад, и детектив вспомнил, с какой бережливостью мужчина относится к деньгам. Китагава настолько привык во всём себя ограничивать, что не хотел тратить даже на такси, когда из-за лихорадки был не в состоянии добраться до дома самостоятельно.

— Вас пригласил я, поэтому счёт на мне, — сказал Оэ, первым ступивший к двери кафе.

— Не такой уж я и бедный, вообще-то, — криво усмехнулся мужчина.

Выцветшая вывеска лишала возможности прочесть название заведения. Внутреннее убранство оказалось не менее бедным. Когда-то светло-зелёного цвета виниловый диван потемнел от многолетнего слоя грязи, а дыры в обивке бросались в глаза ещё с порога. Растрёпанные каталоги меню, кое-как втиснутые в подставки, были перепачканы засаленными отпечатками пальцев и засохшими частичками пищи.

Оказавшись в помещении, Китагава не стал снимать пальто, наглухо застёгнутое до самого горла. Из-за чёрного одеяния он походил на летучую мышь.

Оба заказали по чашке кофе. Владелец кафе, неприветливый лысый мужчина лет шестидесяти, с хмурым, если не раздражённым выражением лица принял заказ.

— До настоящего момента я искал Доно-сана, сосредоточив всё внимание на муниципалитетах, — начал Оэ. — Вчера я завершил поиски в регионе Кюсю, но так и не выяснил ничего нового. Осталось проверить только Окинаву и Хоккайдо¹². Поскольку вы упомянули, что у Доно-сана нет ярко выраженного акцента, можно смело исключить из области поиска дальние северные и южные регионы. Имея немалый опыт, могу с уверенностью сказать, что при отсутствии новой информации найти его будет крайне сложно.

Мужчина слушал детектива с серьёзным выражением лица.

— Китагава-сан, вы работаете на пределе своих возможностей, чтобы вовремя предоставлять оплату за расследование, не так ли?

Мужчина удивлённо моргнул.

— Да не то чтобы, — ответил он.

— Вы трудитесь дни и ночи напролёт, и, вероятно, заболели как раз от переутомления.

— Моё здоровье вас ведь не касается. — смутившись, ответил мужчина. Оэ слегка разозлила недогадливость Китагавы.

— Хорошо, позвольте быть откровенным. Мы можем сколько угодно продолжать поиски, но Доно-сана нам никогда не отыскать. Китагава-сан, вы взваливаете сами на

---

¹² Кюсю — регион, включающий в себя острова Кюсю и Окинава, 8 префектур.

себя неподъёмное бремя. Давайте на этом закончим наше расследование? Вам стоит восстановить силы, поднакопить средства для обустройства комфортной жизни, и потом вы сможете продолжить поиски, воспользовавшись менее дорогостоящими услугами.

Китагава поднял руку и почесал затылок.

— Я знаю, что ваш труд, ребята, стоит немалых денег. Но мне всё равно нужна ваша помощь.

— Но...

— Знаю, если прекратить поиски, мне не придётся работать и ночью, и днём. Но я *хочу*, чтобы его искали. Это что-то вроде прихоти, и мне просто жизненно необходимо удовлетворять это эгоистичное желание сродни потребностям во сне, еде или тепле.

«Он всё понимает», — внезапно осознал Оэ. Ему даже не надо было распинаться, пытаясь втолковать мужчине каждую свою мысль, потому что Китагава сам знал, чего хочет и как этого добиться.

— Китагава-сан, я могу понять ваше упорство, однако и мне непросто заниматься поисками Доно-сана, имея при этом основную работу. Я завершил расследование в регионе Кюсю, и на этом, думаю, можно поставить точку... Прошу, позвольте мне сложить с себя обязательство вести это дело.

Китагава безмолвствовал, не утруждая себя ответом.

Даже такая прямая и настойчивая просьба не убедила мужчину согласиться. Когда принесли заказ, они так и сидели в полной тишине. Хоть Оэ и был готов к растворимому кофе, он не сумел побороть приступ накатившего отвращения после первого же глотка. Китагава и вовсе не притронулся к чашке. Если эта игра в молчанку продолжится, они так и не сдвинутся с мёртвой точки.

— Я уверен, Доно-сан живёт где-то там своей собственной жизнью, — продолжил вразумлять мужчину Оэ. — Китагава-сан, вы тоже заслуживаете жить своей.

После бесконечно долгого молчания мужчина, наконец, ответил:

— Вы предлагаете мне сдаться, — резко, даже сердито сказал он.

— Думаю, так будет лучше и для вас, и для Доно-сана.

Тот снова замкнулся. В кафе повисла тишина. Они были единственными посетителями, и заглядывать в это унылое место, похоже, никто не собирался. Хозяин за стойкой читал газету. Оэ метнул быстрый взгляд на часы: через полчаса он должен быть в офисе, чтобы встретиться с клиентом, который придёт за отчётом.

— Вы женаты? — вдруг, после долгой паузы, раздался вопрос.

— Я? Да. У меня есть жена и дочь.

— Как бы вы себя почувствовали, прикажи вам кто-то развестись и жениться на другой женщине?

Оэ задумчиво склонил голову.

— Вы бы согласились и развелись?

— Я не понимаю, о чём вы. С чего бы мне разводиться и жениться на другой?

— Но именно так вы и предлагаете мне поступить.

Очевидно, Китагава пытался объяснить своё отношение к Доно на примере жены Оэ.

— Наши ситуации коренным образом отличаются, Китагава-сан.

— Они совершенно одинаковы.

— Мы с женой в законном браке. Это не просто увлечение.

— Я сейчас не о законах, а о том, что чувствует сердце.

Оэ помедлил с ответом на такое заявление. Он не вполне понимал, к чему клонит Китагава, но уловить суть всё же смог.

— Я работаю потому, что хочу встретиться с Доно, — продолжил Китагава. — Если я не буду трудиться и зарабатывать, я не смогу оплачивать его поиски. Все говорят мне сдать. Но я не хочу тратить деньги ни на что другое. Не хочу больше ничего и никого.

В горле Оэ пересохло. В те долгие минуты молчания он успел выхлебать весь кофе, поэтому сейчас глотнул воды, мерзкой на вкус и запах.

— Я только об этом и думаю... О том, как мне найти Доно. Но сколько бы я не размышлял, новые идеи не приходят. Но вы, ребята, можете найти его. Вы же профи, верно? Если я выучусь на детектива, я смогу искать Доно самостоятельно?

Оэ не знал, что ответить.

— Нужно ли мне какое-нибудь разрешение на детективную деятельность? Должен ли я закончить университет?

Оэ осознал, что этот человек не собирался сдаваться. Несчастный, достойный сострадания мужчина... Вот, каким выглядел Китагава в глазах Оэ.

— Кажется, я уже говорил, — начал он, — что детективы не всемогущи и не идеальны. В этой жизни есть выполнимые задачи, но есть и то, с чем справиться просто невозможно. Вот вам наглядный пример — я не смог найти Доно-сана.

Оэ заметил, как Китагава закусил губу.

— Забудьте о Доно-сане, — продолжил Оэ. — Вы говорите, что больше ничего не хотите, но со временем это пройдёт. Я уверен, вы обязательно найдёте то, чем можно заменить это желание.

Оэ говорил нерешительно, а собеседник всё молчал, устремив взгляд в пол. «Забывать» этот человек просто не мог. Детектив искренне верил, что старается ради самого Китагавы, пытаясь положить конец его тщетным чувствам.